

Власть как символический капитал сетевого общества

УДК:101.8:316.3(043.3)

Юлия БАНЬКОВСКАЯ,
кандидат философских наук, доцент

Юлия БАНЬКОВСКАЯ. Власть как символический капитал сетевого общества. Необходимость исследования власти как символического капитала, оказывающего существенное воздействие на процессы функционирования социальной реальности, обусловлена значимостью данного феномена в контексте эскалации современных глобальных и локальных конфликтов. В статье рассматривается сущность и специфика проявления власти в сетевом обществе. Раскрытие символического универсума данного феномена ориентировано на изучении сети как особого информационного пространства, формирующего новую разновидность властных взаимодействий субъектов.

Ключевые слова: символический капитал, власть, сетевые структуры, сети, конфликт.

Yuliya BANKOVSKAYA. Power as the symbolic capital of a network society. The need to study power as a symbolic capital that has an important impact on the social reality is due to its importance in the context of escalation of modern global and local conflicts. The article clarifies the essence and specifics of power manifestation in a network society. The goal of uncovering of the symbolic universum of this phenomenon is to understand the network as a special information space that forms a new kind of power interactions between subjects.

Keywords: symbolic capital, power, network structures, networks, conflict.

Сетевое общество дополнило традиционную форму осуществления власти, поскольку в современной реальности сформировались новые способы ее захвата и удержания. Актуальность их изучения обусловлена тем, что власть становится символическим капиталом, используемым субъектами в сетевом пространстве. Сети качественно преобразуют традиционную политическую модель управления. Они не только становятся эффективным инструментом воздействия на функционирующие в обществе властные структуры, но и радикально изменяют характер конфликтных противоборств, которые приобретают все более глобальный и сложно управляемый характер. Распространение информационно-коммуникационных технологий расширило возможности для манипуляционного воздействия на общественное мнение в рамках как отдельных

[ОБ АВТОРЕ]

БАНЬКОВСКАЯ Юлия Леонидовна.

Родилась в г. Минске. Окончила Белорусский государственный университет (2001), аспирантуру БГУ (2004). С 2018 года – докторант Института философии НАН Беларуси.

В 2001–2007 годах – преподаватель, с 2007 года – старший преподаватель, с 2016 года – доцент кафедры философии и истории Белорусского государственного аграрного технического университета.

Кандидат философских наук (2013), доцент (2016).

Автор более 120 научных и научно-методических работ, в том числе двух монографий.

Сфера научных интересов: конфликтология, сетевые структуры, социальная коммуникация, тенденции развития и функционирования социальной системы, процессы ее трансформации.

социальных групп, так и мирового сообщества в целом. Таким образом, актуализируется необходимость в уменьшении социальных рисков и угроз безопасности развития общества, требуется прояснение сетевых механизмов функционирования власти.

Комплексность и противоречивость исследования сетевых процессов, их регулирование посредством применения определенных правовых санкций и вертикального управления, приводит к необходимости пересмотра сложившихся мер, демонстрирующих низкий уровень эффективности в практической ситуации. Обзор литературы, посвященной проблемам функционирования противоречий, показал многообразие подходов к их исследованию. Технологии сетевого управления были рассмотрены в работах таких авторов, как Е.А. Бердник, Дж. Вебстер, П. Кенис, К. Праван, Л.П. Сморгун, Д. Фулджер, А.С. Шерстобитов. Наряду с этим можно отметить, что в современной философской литературе недостаточно изучен содержательный анализ форм проявления сетевых структур в ситуации противоборства. Исследование властных взаимодействий сетевых структур посредством феномена «символический капитал» позволяет выявить онтологические основания возникновения конфликта, прояснить возможности его влияния на конфликтную ситуацию и направленность действий акторов.

Французским социологом и философом П. Бурдьё было определено понятие «социальный капитал», который характеризуется им как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализованных отношений взаимного знакомства и признания» [1, с. 66]. Социальный капитал выступает в качестве механизма, регулирующего доступ акторов к ресурсам, поскольку на его основании осуществляется символический или материальный обмен. «Способность господствовать в присвоенном пространстве... зависит от наличного капитала» [2, с. 43]. Его перераспределение осуществляется посредством умышленных или случайных действий, воздействия внешних факторов, приводящих к кризису поля, представляющего собой арену борьбы, осуществляемой при помощи использования экономического, культурного, социального и символического капиталов (рис.). «Символическая борьба... имеет специфическую логику, придающую ей реальную автономию по отношению к структурам, в которых она берет начало» [3, с. 199]. Символический капитал рассматривался ученым в качестве основания

для осуществления власти. Он обретает значимость только при реализации субъектами потенциальных возможностей, образуемых благодаря его применению.

Онтологическим основанием символического капитала выступают символические ресурсы, которые представляют собой знаковые средства, используемые для организации, осуществления и координации деятельности в сетевом пространстве.

Для символических ресурсов в сфере власти присущи следующие признаки:

- они являются результатом объединения социального, политического и экономического капиталов и могут быть использованы для осуществления властного воздействия на ситуацию;
- представляют собой нематериальные блага;
- выступают в качестве средства манипуляции поступками и действиями субъектов, формируют их установки и восприятие конфликтной ситуации;
- становятся механизмом признания легитимности власти.

Являясь источником символической власти, сетевые структуры способны оказывать комплексное системное воздействие на социальную реальность, формируя отношения людей к сложившимся противоречиям. На процесс функционирования властных структур в сети оказывают влияние не только центральные фигуры, но и отдельные люди, находящиеся на периферии. Узлами сетевого образования является не только отдельный человек, но и социальная группа и большая общность, элементы которой взаимодействуют между собой на основании сформированных взаимосвязей, выступающих в качестве каналов, посредством которых «могут протекать различные виды социальной активности» [4, с. 36]. Для данных связей присущ как конфликтный, так и непротиворечивый характер. Более того, наличие множества корреляций приводит к тому, что при возникновении противоборства между двумя или несколькими узловыми точками остальные узлы ориентированы либо на поддержание возникшего противостояния, предоставляя конфликтующей стороне различные ресурсы, либо на действия в роли посредника, придерживающегося нейтральной позиции или не принимающего никакого участия в противостоянии.

Сетевые структуры включают в себя небольшое количество влиятельных и потенциально устранимых взаимозаменяемых лидеров. К примеру, террористическая организация «Аль-Каида» представляет собой сеть, состоящую из множества узлов с незначительной центральной координацией их деятельности. Устойчивость сети проистекает из ее способности ограничивать наносимый ущерб и смягчать последствия при образовании противоречий. Как правило, узлы характеризуются плотными связями между акторами, которые обеспечивают управление и координацию действий между сетевыми элементами в конфликтной ситуации. В то же время для сети присуще доминирование равноправных взаимоотношений, асимметрия власти и влияния. Периферийные элементы расширяют возможности для осуществления деятельности, облегчают процесс реализации множества операций посредством привлечения разных ресурсов. Я. Торфинг обращал внимание на такой факт: «между сетевыми акторами может быть асимметрическое распределение материальных и нематериальных ресурсов, но так как участие является добровольным и акторы свободны выйти из сети... никакой отдельный актер не может установить свою власть для иерархического контроля над другими» [5, с. 307]. Более того, увеличивается доступ к информации, что повышает уровень адаптивности сети к внешним условиям. Способность получать заблаговременное предупреждение об угрозе дестабилизации или уничтожения дополняется имеющимися у нее внутренними механизмами к быстрой реконфигурации внутренних структур.

Распределенная децентрализованная организация информационных сетей характеризуется наличием множества частичных лидеров, занимающих центральную позицию по различным критериям: организационным, посредническим, ресурсным. Директор Центра сетевых исследований Северо-Восточного университета А. Барабаши обратил внимание на тот факт, что в сети для большинства узлов присуще малое количество связей с другими элементами, тогда как множеством взаимосвязей с акторами обладает лишь незначительное

количество узловых центров. Концентрация у них символической власти оказывает влияние на развертывание противостояния. Данное исследование способствует прояснению структурных позиций, занимаемых акторами при возникновении противоборства, их возможностей воздействовать на эскалацию конфликта и поиск способов его регулирования, предполагающий «оптимальные стратегии борьбы с инфекцией в информационных и социальных сетях, распространение методов теории критических явлений на задачи анализа устойчивости больших сетей» [6, с. 132].

Каждый человек конституирует свое видение и согласно ему дает оценку проблемной ситуации. Однако есть особенность, присущая данному процессу. Понимание сущности конфликта зависит от распространяемой в сети информации, ментальная обработка которой обуславливается коммуникативной средой. «Ничем неподтвержденные факты использования запрещенного химического оружия и отравления оппозиционных лидеров становятся поводами для развязывания реальных войн и применения экономических санкций, вторжения в чужое информационное пространство под предлогом защиты свободы, демократии и гласности» [7, с. 3]. Мы полагаем, что в современном сетевом обществе особую значимость начинает приобретать не отдельный человек как носитель некоторой информации, а передаваемые сведения. По этой причине необходимо сместить акцент с исследования отдельных структур на тип сообщения, задающего форму коммуникативного взаимодействия субъектов. «Некогда упорядоченный, иерархичный мир культуры превращается на наших глазах в пространство сетей, мир „тысячи поверхностей“, ускользающей паутины возможностей, в котором нет проложенных дорог и точек опоры» [8, с. 60–61].

Современные конфликты становятся неразрывно связанными с сетями, используя которые, субъекты получают возможность сформировать общественное мнение по существующей проблемной ситуации, мобилизовать людей на проведение определенных действий, необходимых одной из конфликтующих сторон. Применение информационно-коммуникационных технологий способствует более быстрому распространению паники и страха среди сетевых пользователей. Американский философ и культуролог Г. Дженкинс, исследуя специфику трансляции информации в современном обществе, акцентировал внимание на том, что сетевые технологии позволяют транслировать одни и те же сведения на разных сайтах. При этом предоставляемые данные не повторяют, а дополняют друг друга, формируя в сознании человека целостный образ видения проблемной ситуации. Получение информации из внешне разных источников направлено на создание у пользователя псевдообраза, что повышает возможности манипулирования общественным сознанием [9].

Человек оценивает властные структуры, функционирующие в сети, опосредованно. В его сознании формируется образ, который создается при помощи транслируемой информации. Проектируемая социальная реальность осуществляется политическими деятелями, конституирующими свой имидж в рамках сетевого пространства. Замена реального образа симулякрами приводит к тому, что часто у пользователей сети создается ошибочное представление о субъекте управления. Тем самым информационные сети превращаются в средство и пространство осуществления политической борьбы.

Использование символического капитала расширяет сферу влияния террористических организаций, которые начинают взаимодействовать с глобальными сообществами хакеров, что в результате приводит к увеличению масштаба проводимого теракта и уменьшению временных затрат на его осуществление. Кибертерроризм следует рассматривать в двух аспектах. Первый, технологический ракурс изучения, связан с использованием субъектами специальных программных средств и компьютерных технологий с целью воздействия на информационную систему. Второй, гуманитарный аспект, ориентирован на применение сети для дезинформационного влияния, на формирование определенного общественного мнения по существующей проблеме.

Для процесса функционирования власти в сетевом обществе присуще, с одной стороны, наличие возможности усиления имеющегося господства при изменении узловой позиции, с другой – существование

компенсационных механизмов, противостоящих установившейся модели доминирования. Возникновение противоречий служит стимулом для быстрых и глубоких преобразований, позволяет выявить назревшие проблемы, способствуя интеграции и стабилизации системы по отношению к изменяющимся условиям существования, нахождению новых возможностей и ресурсов для ее развития.

На основании сказанного можно сделать следующие выводы. Развитие сетевых технологий привело к образованию качественно нового способа осуществления властных взаимодействий между людьми. Изменение традиционных инструментов реализации власти подтолкнуло исследователей к изучению процесса трансляции информации в сети. Рассмотрение данного феномена в качестве символического капитала, используемого множеством субъектов, позволило прояснить основные тенденции происходящих в современном обществе изменений.

Сетевизация социально-политической реальности способствует тому, что сети становятся значимым механизмом, приводящим как к расширению политических свобод, увеличению возможностей больших масс людей выражать свое мнение по социально значимым вопросам и принимать участие в их решении, так и к разрастанию конфликтов, их эскалации. Символический капитал становится значимым ресурсом, от наличия которого зависит возможность субъекта оказывать существенное воздействие на происходящие социальные изменения. Его изучение ориентировано как на отображение структурного расположения системных элементов в сетевом пространстве, так и на прояснение специфики восприятия и понимания ими процессов социальной реальности. Применительно к изучению сетевых конфликтов данный концепт позволит не только выявить ресурсный потенциал конфликтующих сторон, но и прояснить сущность сложившихся между ними противоречий.

Статья поступила в редакцию 01.02.2023 г.

[СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ]

1. Бурдьё, П. Формы капитала / П. Бурдьё // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 60–74.
2. Бурдьё, П. Социология политики / П. Бурдьё. – М.: Socio-logos, 1993. – 336 с.
3. Бурдьё, П. Начала / П. Бурдьё. – М.: Socio-logos, 1994. – 285 с.
4. Burt, R.S. Relational contents in multiple network systems / R.S. Burt, T. Schott // Research methods in social network analysis / ed. by L.C. Freeman, D.R. White, A.K. Romney. – New Brunswick: London: Transaction Publisher, 1992. – 530 p.
5. Torfing, J. Governance Network Theory: Towards a Second Generation // European Political Science. – 2005. – Vol. 4, No 3. – P. 305–315.
6. Задорожный, В.Н. Структурные свойства безмасштабного графа Барабаши-Альберт / В.Н. Задорожный, Е.Б. Юдин // Автоматика и телемеханика. – 2012. – № 4. – С. 131–150.
7. Савченко, В.А. Субъективный аспект конфликта в информационно-сетевом обществе / В.А. Савченко // Гуманитарный вестник. – 2022. – № 2(94). – С. 1–23.
8. Лысак, И.В. Формирование персональной идентичности в условиях сетевой культуры / И.В. Лысак, Л.Ф. Косенчук. – М.: Спутник, 2016. – 147 с.
9. Jenkins, H. Transmedia 202: Further Reflections [Electronic resource] / H. Jenkins // Confessions of an Aca-Fan. Los Angeles, 2011. – Mode of access: https://henryjenkins.org/blog/2011-08/defining_transmedia_further_re.html. – Date of access: 25.07.2022.